

© 2023 г.

Г.Т. ИЛЕУОВА, О.А. СИМАКОВА

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ И ПРОТЕСТНЫЕ НАСТРОЕНИЯ КАЗАХСТАНЦЕВ В ПРЕДДВЕРИИ ЯНВАРСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ 2022 ГОДА

ИЛЕУОВА Гულიмира Токшалыковна – кандидат социологических наук, президент (gulmira@ofstrategy.kz); СИМАКОВА Ольга Александровна – магистр социологии, координатор проектов (olga@ofstrategy.kz). Обе – Общественный фонд «Центр социальных и политических исследований “Стратегия”», Алматы, Республика Казахстан.

Аннотация. В январе 2022 г. в Казахстане произошли массовые выступления, которые охватили почти все областные центры и города республиканского значения. Была ли возможность на основе социологических данных спрогнозировать январские события? В поисках ответа на этот вопрос авторы статьи анализируют социальное самочувствие и протестные настроения казахстанцев накануне январских выступлений 2022 г. Особое внимание уделено оценке уровня социального недовольства на местах, его вероятным причинам и проявлениям в конвенциональных и неконвенциональных формах политического поведения. Источником эмпирических данных выступают онлайн-опрос казахстанцев (N = 1999) и фокус-групповые дискуссии, проведенные в 11-ти городах Казахстана в июле–сентябре 2021 г.

Ключевые слова: Казахстан • социальное самочувствие • протестное поведение

DOI: 10.31857/S013216250022093-5

С начала обретения в 1991 г. суверенитета Казахстан оставался самым стабильным государством в Центрально-Азиатском регионе. Но за последнее десятилетие в стране наблюдается рост числа протестных выступлений разного формата. Так, по данным Проекта о местоположении и событиях вооруженных конфликтов (ACLED)¹, только за период с 1 января 2019 г. по 1 января 2022 г. в Казахстане произошло 2388 протестных событий. Если проследить динамику, то очевиден тренд на увеличение количества акций протеста из года в год: 2019 г. – 519 акций, 2020 г. – 829, 2021 г. – 1040.

Ощущение потери стабильности и роста социального недовольства в Казахстане заметно усилилось в период пандемии коронавируса 2020–2021 гг. Как писали в СМИ, «пандемия в Казахстане усугубила ситуацию с низкими доходами населения и вынужденными кредитами – для некоторых людей займы стали единственной возможностью оплатить аренду квартиры или попросту купить еды»². Сообщалось, что основная проблема

Статья подготовлена в рамках выполнения научного проекта (грант AP08857524) грантового финансирования Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан на 2020–2022 гг. по теме «Протестный потенциал в Казахстане: особенности, факторы и тренды».

¹ Проект данных о местоположении и событиях вооруженных конфликтов (ACLED) собирает информацию о датах, действующих лицах, местах, числе погибших и типах всех заявленных случаев политического насилия и акций протеста по всему миру. URL: <https://acleddata.com> (дата обращения: 06.09.2022).

² Женисхан Д., Мазоренко Д., Кайсар А. Жизнь взаимы. Почему казахстанцы оказались в кредитной ловушке, и как пандемия лишает их возможности из нее выбраться (16 июня 2021 г.). URL:

страны – бедное население, которое стало еще беднее за период карантина³. Еще в 2021 г. по стране прокатилась волна акций протеста социально-экономического характера⁴. А в начале января 2022 г. Казахстан пережил беспрецедентные по своему масштабу протестные волнения, повлекшие за собой многочисленные жертвы и погромы в крупных городах страны. Широкий масштаб январских выступлений привел не только к вооруженным столкновениям с правоохранительными органами, но и к привлечению сил ОДКБ для наведения порядка.

Среди казахстанских экспертов и аналитиков распространено мнение, что базовым условием январских выступлений стало накопленное социальное недовольство, вызванное ухудшающимися социально-экономическими условиями, что повысило вероятность его активной трансляции в форме протестов. В то же время, согласно данным исследовательской компании Bisam Central Asia, в общественном мнении январские выступления воспринимаются не так однозначно. На момент событий только 16,1% полагали, что выступления были массовым проявлением стихийного недовольства. Гораздо более распространенным (примерно у трети населения) являлось мнение, что в стране осуществляется попытка государственного переворота. Впрочем, спустя полгода доля таких ответов составила четверть на фоне увеличившейся доли затрудняющихся с ответом⁵.

В рамках данной статьи авторы на базе результатов многолетних социологических исследований постараются определить факторы роста протестности в казахстанском обществе.

Источники аналитической информации. Сбор первичной информации осуществлялся на основе анкетного опроса населения и фокус-групповых дискуссий. Анкетирование было проведено в августе 2021 г. на базе онлайн-платформы Qalaisyn ($N = 1999$)⁶. В исследовании использовалась многоступенчатая стратифицированная выборка с квотным методом отбора единиц наблюдения. Ошибка выборки с доверительной вероятностью 95% не превышает $\pm 3\%$. Выборка репрезентировала взрослое население Казахстана от 18 лет по признакам: регион проживания, административно-территориальный статус населенного пункта, пол, возраст респондента. Анкета содержала вопросы относительно социального самочувствия граждан страны, их отношения к властям и проводимым в стране реформам, а также оценки уровня протестной напряженности в регионах и готовности к участию граждан в массовых акциях протеста.

Групповые дискуссии прошли как в онлайн-формате (рекрутинг участников осуществлялся на платформе Qalaisyn без учета фактора участия в онлайн-опросе), так и в офлайн-формате (рекрутинг участников осуществляли супервайзеры в регионах). В обоих случаях отбор для участия в дискуссии производился с учетом языковых, половозрастных характеристик и статуса занятости. Всего за период с июля по сентябрь 2021 г. было проведено 16 фокус-групповых дискуссий (общее число

<https://mediazona.ca/article/2021/06/16/coronacredit> (дата обращения: 06.09.2022). Издание «Медиа-зона» включено Минюстом РФ в реестр организаций, выполняющих функции иностранного агента.

³ Кризис и бедность: как пандемия коронавируса повлияла на экономику Казахстана? (14 мая 2020 г.). URL: https://baigenews.kz/news/krizis_i_bednost_kak_pandemiya_koronavirusa_povliyala_na_ekonomiku_kazakhstan/ (дата обращения: 06.09.2022).

⁴ См., напр.: В Казахстане участники митингов призывают к бойкоту выборов в парламент (10 января 2021 г.). URL: <https://ria.ru/20210110/miting-1592455076.html> (дата обращения: 06.09.2022); Масовые протесты в Казахстане: силовики жестко задержали более полусотни человек (28 февраля 2021 г.). URL: https://24tv.ua/ru/massovye-protesty-zhestkie-zaderzhanija-kazahstane-poslednie-novosti_n1555582 (дата обращения: 06.09.2022).

⁵ Январские события: что изменилось в их оценке казахстанцами за прошедшие полгода? 2022. URL: <https://www.bisam.kz/ru/news/244-2022-07-27-11-12-02> (дата обращения: 06.09.2022).

⁶ QALAI SYN.KZ – онлайн-платформа социологических, брендовых, маркетинговых, brand lift и иных типов исследований для компаний и частных лиц, она имеет панель более 7 тыс. зарегистрированных респондентов, ее возможности удовлетворяют требованиям выборки и временным условиям проведения «полевых» работ. URL: <https://qalaisyn.kz/> (дата обращения: 06.09.2022).

участников – 121 респондент) в городах Тараз, Кызылорда, Жанаозен, Атырау, Актобе, Жезказган, Алматы, Нур-Султан, Петропавловск, Усть-Каменогорск и Караганда.

Для определения динамики изменений в настроениях казахстанцев в статье авторами использованы результаты мониторинговых опросов 2004–2021 гг., проведенных ОФ «ЦСПИ “Стратегия”»⁷ в Казахстане в рамках международного проекта «Мониторинг социального самочувствия населения стран бывшего СССР» под эгидой МНАИА «Евразийский монитор». Использовались также собственные социологические данные Фонда, полученные в ходе других проектов по изучению протестных настроений в Казахстане.

Социальные настроения в Казахстане. По результатам исследования, проведенного в июле – сентябре 2021 г., было зафиксировано существенное ухудшение социального фона в Казахстане. Согласно опросу⁸, в 2021 г. суммарная доля тех, кто оценил состояние экономики страны как «плохое/очень плохое», достигла 35%, в то время как доля оценивших экономическое положение страны как «хорошее» или «очень хорошее» составила 18%.

Более наглядно произошедшее негативное изменение видно в динамике показателей (рис. 1)⁹: доля негативных ответов – более трети – оказалась в 2021 г. самой высокой с начала замеров (с 2004 г.), при этом снижение позитивных оценок происходило на фоне увеличения негативных ответов. Заметим, что опросы фиксировали устойчивый нисходящий тренд по данному показателю с 2017 г. Тем не менее в 2021 г. произошло снижение оценок почти в два раза – с 28 до 18%. Это дает основание говорить о высокой значимости пандемии COVID-19, которая выступила катализатором ухудшения оценок текущей ситуации.

Оценки респондентами материального положения¹⁰ в 2021 г. показали (рис. 2), что доля считающих экономическое положение своей семьи плохим впервые превысила долю тех, кто называл положение своей семьи хорошим (24 против 15%). В сравнении с 2020 г.

Рис. 1. Динамика оценок экономического положения страны, % опрошенных, 2004–2021 гг.

⁷ Общественный фонд «Центр социальных и политических исследований “Стратегия”» (г. Алматы) осуществляет свою деятельность на рынке исследовательских услуг Казахстана с 2001 г. Фонд является действительным участником Международной некоммерческой ассоциации исследовательских агентств «Евразийский монитор». URL: <https://ofstrategy.kz> (дата обращения: 06.09.2022).

⁸ Вопрос задавался следующим образом: «Как бы вы оценили в настоящее время экономическое положение нашей страны?»

⁹ Далее приведены данные мониторинговых исследований «Мониторинг социального самочувствия населения стран бывшего СССР», проводимых ОФ «ЦСПИ “Стратегия”» под эгидой МНАИА «Евразийский монитор».

¹⁰ Вопрос задавался в следующей форме: «Как бы вы оценили в настоящее время материальное (экономическое) положение вашей семьи?»

Рис. 2. Динамика оценок материального положения семьи, % опрошенных, 2004–2021 гг.

произошло более чем двукратное изменение как позитивных показателей (с 31 до 15% упала доля положительно оценивающих материальное положение), так и негативных (выросла с 11 до 24% доля оценивающих свое положение как плохое).

Другой важный показатель, дающий представление о настроениях в казахстанском обществе, – удовлетворенность жизнью. В последнее пятилетие наблюдается ежегодное снижение и этого показателя: если в 2017 г. 76% респондентов в той или иной степени были удовлетворены своей жизнью, то в 2021 г. только 57% отметили, что удовлетворены жизнью, которую ведут. Доля же неудовлетворенных выросла с 23% в 2017 г. до 36% в 2021 г. Чаще всего неудовлетворенные наблюдались среди жителей областных центров (41%), в возрастной группе 45–54 лет (41%), среди респондентов со средним образованием (41%) и с потребительским потенциалом ниже среднего (43%). Особо следует отметить, что в группе неудовлетворенных своей жизнью была выше доля считающих, что простые люди не могут повлиять на власть в стране.

Предчувствие и прогнозы массовых протестов. Ухудшение оценок материального положения и экономической ситуации в стране отразилось и на показателях социальной напряженности и протестности. Во время фокус-групповых обсуждений отдельные участники говорили о том, что пандемия, несущая угрозу жизни и здоровью людей, сделала их «более сплоченными», привела к тому, что они старались «друг другу помогать, потому что такое трудное время». Однако большинство наблюдало обратные тенденции: «очень много агрессивных людей в супермаркетах, автобусах», «поведение людей изменилось в худшую сторону, реально стало больше злых». К тому же «люди стали более недоверчивыми» и «какими-то недобрыми по отношению друг к другу», потому что «везде ждут подвоха». Как отмечалось участниками обсуждений, основной причиной ухудшения отношений между людьми, роста недоверия и агрессии стало возрастание напряжения «в первую очередь в связи с неуверенностью в завтрашнем дне».

Анкетный опрос 2021 г. зафиксировал наличие беспокойства и ожидания возможной протестной волны: 75,2% ожидали в ближайшее время протесты социально-экономического характера против безработицы, роста цен и падения уровня жизни. Треть респондентов прогнозировала, что в краткосрочной перспективе возможны протесты с политическими требованиями, а больше четверти опрошенных предполагали возможность протестных акций в трудовых коллективах.

Рис. 3. Динамика мнений, протесты какого характера в ближайшее время наиболее вероятны в Казахстане, % ответивших, 2013–2021 гг.

Примечание. Допускалось два варианта ответа.

Источник: Протестные настроения в Казахстане: факторы, причины и формы. Алматы, 2013. URL: <https://www.ofstrategy.kz/ru/research/politic-research/item/821-protestnye-nastroeniya-v-kazakhstane-factory-prichiny-i-formy> (дата обращения: 06.09.2022).

Если сравнить (рис. 3) результаты опроса в 2021 г. с итогами похожего исследования, проведенного ОФ «ЦСПИ «Стратегия»» осенью 2013 г., то можно заметить существенные различия в прогнозах протестной активности.

Во-первых, значительно выросла доля ожидающих протеста в ближайшее время. Это выразилось и в значимом увеличении (на 20,6 п.п.) показателя вероятности социально-экономических протестов, и в резком снижении доли тех, кто затруднился с ответом (более чем в семь раз). Во-вторых, более чем в два раза увеличилась доля ожидающих митингов политического характера. Этот прогноз стал вторым в рейтинге по упоминаемости, видимо, как следствие начавшихся с приходом президента К. Токаева процессов либерализации политической жизни в стране. Например, в мае 2020 г. был принят новый закон «О порядке организации и проведения мирных собраний в РК»¹¹, закрепляющий уведомительный характер проведения мирных собраний. В-третьих, заметно, что личные действия стали менее востребованными, уступив запросу на разные формы коллективных действий (митинги, забастовки). В-четвертых, заметно (на 4,9 п.п.) повысился прогноз востребованности такой формы коллективного активизма, как забастовки трудовых коллективов. В то же время, в отличие от других форм активизма, показатели вероятности использования разовых акций в защиту своих личных интересов и интересов своей семьи, а также спонтанных массовых беспорядков с разбоями и мародерством за прошедшие семь лет не претерпели существенных изменений.

Рассмотрим теперь, каким было прогнозирование протестов с точки зрения социально-демографических характеристик респондентов.

Прежде всего, на прогноз значимо влиял возраст опрашиваемых. Так, на возможность социально-экономического протеста в стране чаще указывали представители старшей возрастной когорты. Например, в группе от 55 лет и выше о возможности социально-экономических протестов в стране сказали 84% опрошенных, а в группе

¹¹ Закон РК «О порядке организации и проведения мирных собраний в Республике Казахстан», от 25.05.2020 г. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2000000333> (дата обращения: 06.09.2022).

Таблица 1

**Вероятность протестных выступлений с социально-экономическими требованиями
и политическими требованиями в месте проживания респондентов, 2021 г., % ответивших**

Варианты ответа	Выступления с социально-экономическими требованиями	Выступления с политическими требованиями
Да, возможны	21,0	17,8
Скорее возможны	28,7	22,1
Скорее невозможны	16,0	23,1
Однозначно невозможны	5,2	7,1
У нас невозможны, но возможны в другом населенном пункте	6,8	8,5
Затрудняюсь ответить	22,4	21,3

18–24 лет – 68,8%. О том, что ожидания протестов на социально-экономической основе выше в старших возрастах, говорят и распределения ответов по поводу вероятности забастовок трудовых коллективов: в группе 45–54 лет на это указали 38,1%, а в группе 18–24 лет – 20,7%. Обратная ситуация выявлена в отношении возможности выступлений с политическими требованиями: самая большая доля (45,1%) ожидающих политические протесты отмечена в молодежной группе до 24 лет. В группе старше 55 лет доля таких ответов – 30,7%, еще меньше она в возрастной группе 45–54 лет – 23,1%.

Протесты с политической подоплекой чаще других прогнозировали казахи (36,2%), жители мегаполисов (36,7%) и респонденты с неполным средним и высшим образованием (по 38,3%). А в молодежной когорте выявлен наиболее высокий показатель, 17,5%, ожиданий спонтанных массовых беспорядков с разбоями и мародерством, в то время как в группе старше 55 лет таких ответов было 5,7%.

Говоря о протестных выступлениях в городе или селе проживания, респонденты также более высоко оценивали вероятность именно социально-экономических выступлений (табл. 1).

Половина (49,7%) опрошенных полагала, что в ближайшее время в их городе/селе возможны и скорее возможны именно выступления против повышения цен, падения уровня жизни и социальной несправедливости. Что касается выступлений с требованиями отставки правительства или в защиту своих политических прав и свобод, то их считали вероятными 39,9% респондентов, а 30,2% не прогнозировали в ближайшее время политические выступления в местах их проживания. Здесь также отмечена зависимость мнений от возраста: чем старше респонденты, тем чаще они предполагали вероятность проведения протестных акций в месте своего жительства; в более молодых группах доля таких предположений ниже.

Уровень потребительского потенциала участников опроса не оказывал одностороннего воздействия на прогноз протестов. Так, доля тех, кто прогнозировал протесты с социально-экономическими лозунгами, оказалась очень высока в самой необеспеченной группе (у кого денег не хватает даже на питание) – 58,5%. Однако еще выше ожидания социальных протестов были в более обеспеченной группе (у кого денег не хватает только на покупку автомобиля или дома) – 62,5%. В то же время в средних по потребительскому потенциалу группах респондентов ожиданий по поводу подобных протестов наблюдалось заметно меньше (48–50%). Вместе с тем вероятность выступлений политического характера чаще озвучивалась в группе с крайне низкими доходами (52,8%), а во всех остальных доходных группах показатели данного прогноза были заметно ниже (39–43%).

Причины (не)участия в протесте. Хотя участники опроса предполагали протесты с высокой степенью вероятности (напомним, более 75% опрошенных говорили о возможных в ближайшее время выступлениях социально-экономического характера), однако подавляющее большинство из них – 83,3% – в ходе опроса заявили, что сами они никогда

Таблица 2

**Причины (не)участия казахстанцев в протестных акциях,
по итогам фокус-групповых обсуждений**

Причины участия	Причины неучастия
Готовность присоединиться к большинству («Если на митинг выйти, весь Казахстан должен выйти массово»; «если большинство вышло бы с претензиями, то я бы тоже вышел»)	Страх дестабилизации, войны («Народ в Казахстане не хочет войны, тем более гражданской»)
Способ проявить свою заинтересованность в улучшении своей жизни, защите своих прав, выразить свое мнение по важным для общества вопросам («Если есть какие-то проблемы, то давайте решим, выйдем на конструктивный диалог»)	Отсутствие позитивного результата от предыдущего опыта участия в митингах («Ну, выходили в Жанаозене ¹² , и что? В политику лучше не лезть»; «люди, которые умные, понимают, что у нас бесполезно ходить на митинги, это мало, что решит, понимаете?»)
Способ давления на власть, вместе – сила («Это хороший пинок для власти, чтобы что-то сделали. Больше таких эффективных инструментов нет, митинг только потому, что у нас власть не очень решает проблемы»; «Эффективны всякого рода забастовки, когда работники не выходят на работу или преграждают какую-то улицу»)	Страх преследования, негативных последствий для себя и членов своей семьи за участие в митингах («Будут терпеть до последнего, потому что каждый боится за свою семью, за себя»; «Чтобы меня забрали? Нет, абсолютно нет, это не способ»; «у нас много госслужащих, например, акиматские ¹³ , учителя, бюджетники, каждый боится потерять работу»; «Кто выражает точку зрения в противовес власти, то он сразу считается оппозиционером»)
Выборочное участие в зависимости от цели митинга («Есть митинги политические, которые нацелены на политическое управление, это, конечно, плохо влияет. Но про народ в целом, есть вопросы там многодетных матерей, вопросы жилья, это, конечно, приветствуется»)	Позиция «я человек маленький, от меня ничего не зависит» («Пусть делают все, что угодно, контролируют все, что я делаю. Все равно я ничего правонарушительного делать не собираюсь»; «Каждый человек в первую очередь думает о себе, о своей семье, а не о других»)
Наличие уважаемых лидеров, готовых взять на себя ответственность за проведение митинга, его конвенциональный характер («Нужны грамотные люди, за которыми народ пошел бы, не превращая это в простой погром»)	Отсутствие референтной группы, уважаемых людей, за которыми хотелось бы пойти на митинг («У нас нет общественной группы, которая имела бы четкую компанию, идею и цель. Они выходят на митинги, выкрикивая популистские лозунги. Это ничего не меняет в жизни, потому что у них нет четкого плана действий. Другие люди, не участвующие в митинге, видят, что эти люди ничего не решают»)

не будут принимать участие в акциях протеста. И только 16,7% респондентов назвали причины, которые могут побудить их принять участие в протестных выступлениях.

В качестве причин протеста, полученных в ходе ответов на открытый вопрос анкеты, в равной степени назывались социально-экономические и политико-правовые причины: нарушения прав и свобод человека и гражданина, а также норм Конституции; продажа земли иностранцам; повышение цен на товары и услуги, снижение уровня жизни; безопасность семьи, детей, близких; ухудшение социальных и экономических условий жизни в стране, снижение качества услуг здравоохранения; беззаконие, коррупция, несправедливость судебных решений; и т.д. Примечательно, что участники опроса, выразившие готовность к протестам, указывали определенные условия, при которых они готовы выйти

¹² Город Жанаозен в Мангистауской области, в котором регулярно происходят массовые выступления жителей и работников нефтедобывающих компаний. Наиболее известны протесты 16 декабря 2011 г., повлекшие жертвы среди митингующих и представителей правоохранительных органов. Несанкционированные выступления жителей этого города 2 января 2022 г. в связи с повышением цен на газ для автомобилей послужили началом массовых протестов по всей стране.

¹³ Акимат – орган исполнительной власти в Казахстане на местном, районном, городском и областном уровнях.

на протестные акции: если за выступлением не последует наказание; если выступление будет поддержано большим количеством людей; если организация протеста будет исходить от определенной группы лидеров.

Фокус-групповые обсуждения выявили схожее описание причин участия/неучастия респондентов в протестных акциях (табл. 2). Отметим, что причины участия излагались на обсуждениях чаще всего с учетом условий, которые должны быть для этого обеспечены (мирный характер, наличие легальных лидеров-организаторов, солидарность с целью акции). В то же время причины неучастия носили больше индивидуальный характер, часто были связаны с личным опытом/переживанием: звучали высказывания типа «сам видел, как забрали после митинга», «...как уволили знакомого с работы после митинга» или «не вижу смысла для себя лично».

Хотя большинство респондентов не считало для себя возможным принимать участие в каких-либо акциях протеста, обсуждения на фокус-группах выявили несколько тем, которые могли бы вызвать широкий общественный резонанс и привести к мобилизации населения и выходу его на протестные выступления. К таким темам следует отнести:

– вопрос продажи земли или сдачи ее в аренду иностранцам (*«Самый проблемный вопрос – это касается земли, этот момент может поднять любого человека, который сопереживает за свою страну. Чтоб ее никому не отдали»; «Если землю начнут предлагать в аренду или, более того, на продажу каким-то там инвесторам – это может быть причиной волнений»;*

– ухудшение экономической ситуации в стране, которое может сказаться на материальном положении семей (*«На первом плане, наверное, социальная и экономическая уязвленность общества... Именно в плане материальном людей подталкивает выходить на митинги и протесты»;*

– национализм, языковой вопрос, ухудшение межэтнических отношений (*«Здесь все уживались хорошо, все национальности, но если кто-то попытается какой-то клин вбить по поводу языковому или по смене переименования нашего города¹⁴, то могут быть возмущения»; «Национализм для меня – тема такая животрепещущая, хоть я сам казах; наша страна многонациональная, и мне не нравится, когда начинают включаться казахские споры»;*

– угроза безопасности близким, прежде всего детям (*«Спровоцировать протесты может, если, допустим, будет муссироваться вопрос о вакцинации детей, на такой протест даже я готов выйти»;*

– актуальные проблемы, имеющие высокий общественный резонанс: на текущий момент это – экология и гендерное равенство, включая вопросы защиты женщин и детей от бытового насилия (*«Если будет митинг объявляться, цели которого близки, тема защиты материнства и детства, защита животных, экологии, то я, например, пойду»; «Поддерживаю такие митинги, чтобы у женщин было больше прав, чтобы был закон против насилия над женщинами».*

От декларации к делу. Различается ли декларируемая протестная активность казахстанцев в зависимости от содержания предполагаемых протестных выступлений? По итогам исследования видно, что, примеряя на себя роль протестующих, участники опроса не делали особых различий между защитой социально-экономических интересов или политическими требованиями. Большинство респондентов при этом не предполагают принимать участие ни в социально-экономических, ни в политических выступлениях (58,1 и 59,6% соответственно). В то же время на протесты с социально-экономической направленностью, возможно, вышли бы 17,2% опрошенных, а на политические митинги – 16,9%.

Однако одно дело – декларации о намерениях принять участие в каком-либо виде активизма, а другое дело – непосредственное участие в них. По итогам опроса самая большая доля респондентов (45,5%) утверждает, что в случае ухудшения

¹⁴ Фокус-групповое обсуждение, на котором прозвучала эта реплика, проходило в Петропавловске (Северо-Казахстанская область), в городе с преобладанием русского населения, в котором периодически поднимается вопрос о переименовании его в Кызылжар.

социально-экономической ситуации в стране попытается адаптироваться, самостоятельно изыскивая пути для изменения своей жизни в лучшую сторону. Другая часть (19,1%) опрошенных полагает, что они займут выжидательную позицию, надеясь на временный характер ухудшения ситуации. Деятельностные/активные модели ожидаемого поведения выбрали около пятой части (18,4%) участников опроса, причем половина этой группы (9,9%) предпочтёт выезд из страны как ответ на сложившиеся неблагоприятные обстоятельства. Непосредственно в акциях протеста в случае ухудшения ситуации в стране планировали принять участие 3,4% респондентов. Данный вариант чаще других выбирали мужчины, а также, ожидаемо, респонденты из самой молодой возрастной когорты 18–24 лет, как и представители группы 35–44 лет (5%). Повышенная доля выбравших участие в акциях протеста была и у респондентов со средним специальным образованием, у жителей областных центров и городов областного подчинения.

Данный вопрос является мониторинговым и задается в рамках исследований ОФ «ЦСПИ “Стратегия”» с 2008 г.¹⁵, так что есть возможность сравнить, как менялись в последние 14 лет описания поведенческих стратегий казахстанцев при предполагаемом ухудшении социально-экономической ситуации.

В течение 2008–2021 гг. перечисленные ранее стратегии приспособления к ухудшающимся условиям жизни являлись доминирующими (с упором на самостоятельные усилия). Однако доля тех, кто был готов терпеливо ждать лучших времен, «просела» с 32% в 2020 г. до 19% 2021 г. Стратегия на самостоятельный поиск любых путей улучшения своей жизни также показала снижение востребованности: если в 2008–2016 гг. на самостоятельный поиск решений ориентировалось 53–56%, то в 2018–2021 гг. – 42–45%. При этом с 2018 г. росла доля тех, кто отмечал эмиграцию как возможную реакцию на ухудшение социально-экономической ситуации, достигнув в 2021 г. 9,9% (в 2016 г. – 6%).

Фокус-групповые обсуждения выявили две позиции в отношении эмиграции. Представители возрастной группы до 30 лет рассматривают отъезд из Казахстана как способ самореализации, более высокооплачиваемого трудоустройства, обретения новых возможностей («Я учился в Штатах 6 лет, вернулся, решил жить в Казахстане и поднимать свою страну, и вот я начал сомневаться. Мне 30 лет, остаться в Казахстане и пытаться что-то сделать или же ехать за американской мечтой?»; «Я бы не смотрел, есть ли у меня дети, я, скорее всего, рискнул бы, поехал бы туда. Все-таки новая страна, новые возможности»). Согласно другой (чаще озвучиваемой) позиции, эмиграция рассматривалась как ответ на неудовлетворенность жизнью в стране: «если уже сильно будет тяжело, то просто менять страну». Причем обоснование выбора этого трудного шага привязывалось некоторыми респондентами к политическим условиям («Власть не слушает народ. Всё равно будет так, как они задумали. Просто надо переезжать в другую страну, и всё»).

Важно подчеркнуть, что в 2021 г. доля затруднявшихся ответить, которая на протяжении последних десяти лет варьировала на уровне 4–6%, взлетела в три раза – до 17%. Это свидетельствует о росте растерянности казахстанцев перед жизненными трудностями.

В таблице 3 приведены те формы конвенционального (разрешенного) и неконвенционального (неразрешенного) политического участия, которые в той или иной степени распространены среди казахстанцев, опрошенных в 2021 г. и в 2013 г.

Первое, на что нужно обратить внимание, – большое разнообразие форм социально-политического участия, что может характеризовать население Казахстана как политически активное. Вместе с тем около трети опрошенных в 2021 г. политически не активны: каждый пятый указал, что не пользовался ни одной из названных в анкете политических форм участия, а почти каждый десятый затруднился с ответом.

¹⁵ Как вы вероятнее всего поступите? Обзор результатов опроса [Статья на сайте ОФ «ЦСПИ “Стратегия”»]. URL: <https://www.ofstrategy.kz/ru/research/politic-research/item/823-kak-vy-veroyatnee-vsego-postupite> (дата обращения: 06.09.2022).

Таблица 3

Участие казахстанцев в социально-политической деятельности, % ответивших

Действия	2013*	2021
Акты гражданского неповиновения, неразрешенные акции (например, голодовки, стихийные акции протеста, митинги и др.)	0,4	8,0
Голосование на выборах	80,8	54,7
Обращения в СМИ	1,2	7,9
Обращения в суд	–	9,9
Обращения в государственные органы	6,9	14,5
Подписание онлайн-петиций	–	12,9
Самостоятельные действия через свои личные связи	–	5,9
Участие в деятельности политических партий	3,4	4,3
Участие в деятельности профсоюзов	–	4,9
Участие в разрешенных выступлениях (митинги, забастовки)	1,5	2,2
Участие в общественных организациях	–	4,6
Ни в одном не принимал участие	17,6	20,2
Затрудняюсь ответить	–	9,6

Источник: *Протестные настроения в Казахстане: факторы, причины и формы. Алматы, 2013. URL: <https://www.ofstrategy.kz/ru/research/politic-research/item/821-protestnye-nastroeniya-v-kazakhstane-factory-prichiny-i-formy> (дата обращения: 06.09.2022).

Следующая специфика – сильное (на 26 п.п.) снижение в 2021 г. по сравнению с 2013 г. доли принимавших участие в голосованиях на выборах (с 80,8 до 54,7%). Неуклонное снижение явки казахстанцев в дни голосования на парламентских и местных выборах – процесс, который имеет несколько объяснений: неверие граждан в достоверность итогов выборов, неудовлетворенность введением пропорциональной системы, снижение авторитета представительных органов власти.

Опрос 2021 г. продемонстрировал также повышение значимости для казахстанцев других форм политического участия. Среди конвенциональных форм следует назвать обращения в государственные органы (рост с 7 до 14%), обращения в СМИ (с 1 до 8%) и такую новую форму активизма, как подписание онлайн-петиций (12,9%). В отношении же неконвенциональных форм участия следует отметить большое увеличение (в 8 раз) доли тех, кто участвовал в актах гражданского неповиновения, неразрешенных протестных акциях (с 0,4 до 8%).

Анализ результатов 2021 г. в разрезе возрастных когорт показал, что представители разных групп предпочитали участие в разных формах политического активизма. Так, об участии в актах гражданского неповиновения чаще сообщали респонденты до 24 лет (16,5%). При этом в данной группе меньше тех, кто ходил на выборы (34,9%); среди них больше, чем в других группах, затруднившихся с ответом и не принимавших участие ни в одной из форм политического действия (36,6%). Представители старших возрастов заметно чаще голосовали на выборах (68,0% в группе старше 55 лет), обращались в госорганы (20,1%) и в суды (15,4%). Подписание онлайн-петиций сравнительно чаще применяли в качестве формы политического участия респонденты 35–44 лет (14,2%) и 25–34 лет (16,4%).

Есть и этнические особенности политического участия. Казахи чаще представителей других этнических групп говорили, что принимали участие в неразрешенных выступлениях и митингах, участвовали в деятельности политических партий и профессиональных

союзов. Русские казахстанцы чаще использовали такие формы, как участие в голосовании и обращения в суд или в СМИ. А представители других этнических групп чаще обращались в госорганы и подписывали петиции; у них – самый высокий процент тех, кто не принимал участие ни в одной из указанных форм (31,0%).

Закключение. Исследование настроений населения Казахстана в 2021 г. выявило заметное снижение таких важных показателей социального самочувствия, как оценки экономического положения страны и материального положения семьи, удовлетворенности собственной жизнью. Это снижение имело долговременный характер (с 2017 г.), коронакризис 2020–2021 гг. выступил катализатором, ускорившим имеющиеся негативные тенденции.

До недавнего времени наиболее оптимальной в условиях ухудшения экономической ситуации была стратегия адаптации на основе снижения потребления и самостоятельно-го поиска дополнительного источника дохода. Но в 2021 г. доля «адаптантов» заметно снизилась на фоне повышения числа тех, кто предпочел бы другие формы реагирования, – переезд из страны в поисках лучшей жизни, участие в деятельности общественных организаций.

Хотя такую форму выражения своего отношения к складывающейся ситуации, как активный протест, выбирали только 4% опрошенных, ожидания протеста в различных группах населения в 2021 г. были значительными – у 3/4 граждан. Казахстанцы в условиях ухудшения жизни все чаще прогнозировали вероятность выступлений против роста цен, падения доходов и проводимой социально-экономической политики правительства в целом. В стране сформировалась социальная тематика, вокруг которой стали группироваться потенциально протестные группы: критика экономической политики государства, тема «продажи земли иностранцам», социальное неравенство, защита интересов уязвимых групп населения.

Опросы показывали, что в обществе происходило повышение запроса на коллективные действия. Это проявлялось и в мнениях о причинах возможного участия в протестных выступлениях, и в наборе практик активизма. В то же время на прямой вопрос о возможном участии в протесте подавляющее большинство казахстанцев отвечало отрицательно, мотивируя это отсутствием условий для мирного протеста (из-за слабой политической культуры протеста, отсутствия легальных и авторитетных лидеров), страхом преследований со стороны правоохранительных органов и потери работы.

Анализ приводит к выводу, что результаты социологических исследований, проведенных в предшествующие январским выступлениям годы (прежде всего, негативная динамика показателей), указывали на снижение адаптивности населения и усиление ожиданий качественных перемен, создающих условия формирования базы протеста. В то же время опрос 2021 г. в очередной раз выявил невысокую политическую активность, подтверждающую ранее сложившиеся практики невовлечения граждан в массовые протестные акции. Это позволило тогда сделать вывод, что даже при неблагоприятной социально-экономической ситуации негативные социальные настроения в течение года стабилизируются и пойдут на спад, а поэтому вероятность масштабных стихийных выступлений в стране низка.

Тем не менее январь 2022 г. показал, что, во-первых, до конца не изученным оказалось влияние пандемии на радикализацию настроений в казахстанском обществе, во-вторых, социальные настроения должны рассматриваться в тесной связи с изучением политического контекста и взаимоотношений во властной элите. Важным для анализа представляется так называемый «второй урок переломного момента», описанный М. Гладуэллом, который гласит: «Чтобы понять социальные эпидемии, мы должны сначала понять, что человеческое общение имеет свой собственный набор очень необычных и противоречивых правил» [Gladwell, 2000: 258]. На примере январских событий в Казахстане видно, что такой мотив, как готовность присоединиться к большинству, недооцениваемый исследователями, но являющийся внутренним основанием и оправданием для значительной части граждан, может быстро и резко поменять их поведение, побуждая применить ранее редкую практику участия в радикальном протесте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

Gladwell M. *The tipping point: how little things can make a big difference*. Little, brown and company. Boston, New York, London: Little, Brown and Company, 2000.

Статья поступила: 08.09.22. Финальная версия: 28.11.22. Принята к публикации: 20.12.22.

SOCIAL SENTIMENT AND PROTEST MOODS OF KAZAKHSTANI PEOPLE ON THE EVE OF THE JANUARY 2022 RALLIES

ILEUOVA G.T.*, SIMAKOVA O.A.*

**Public Foundation «Center for Social and Political Studies "Strategy"», Republic of Kazakhstan*

Gulmira T. ILEUOVA, Cand. Sci. (Sociol.), President (gulmira@ofstrategy.kz); Olga A. SIMAKOVA, Master of Sociology, Project Coordinator (olga@ofstrategy.kz). Both – Public Foundation «Center for Social and Political Studies "Strategy"», Almaty, Republic of Kazakhstan.

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the scientific project (grant AP08857524) of the grant financing of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan for 2020–2022.

Abstract. The appeal to the topic of social protest in this article was based on the real events that shook Kazakhstan in January 2022. Starting in 2020 a three-year research project to study the protest potential in Kazakhstan, we could not imagine that our work would be so relevant. Reflecting on the topic of the January events, many Kazakh experts pointed to the socio-economic factor as their forerunner. Is it so? Having access to long term series of sociological data and being able to conduct a comparative analysis of the ten-year data, we tried to illustrate how the social moods of Kazakhstanis changed, their readiness for active actions and motives to participate in mass protests. Analysis of the data showed that in 2021 there was a noticeable decline in positive assessments of the economic situation – in both the country and families. There were expectations of discontent manifestations: more than 40 of Kazakhstanis in 2021 spoke about the likelihood of protests both in the country and in their place of residence. Moreover, the older age groups expected protests of socio-economic nature, while the young – protests of political nature. We came to the conclusion that by 2022 there were obvious signs of increasing protest activity on the basis of socio-economic instability, which received an additional impetus during the period of coronavirus restrictions, in Kazakhstan. But they were not enough to activate the masses for the January 2022 riots.

Keywords: Kazakhstan, social well-being, discontent manifestations. protest behavior, riots.

Received: 08.09.22. Final version: 28.11.22. Accepted: 20.12.22.